

Российская Академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

На правах рукописи

БОГДАНОВИЧ
Елена Владимировна

**СТИХОТВОРНОЕ ПОСЛАНИЕ 1810-Х – НАЧАЛА 1820-Х ГГ.
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ
ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ**

Специальность 10.01.01-10 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена в Отделе пушкиноведения
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук
Виролайнен Мария Наумовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ильичев Алексей Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Шведова Светлана Олеговна

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет

Защита диссертации состоится « » _____ 2012 года в « » часов на заседании Специализированного совета Д.002.208.01. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан « » _____ 2011 г.

Ученый секретарь Специализированного совета
Кандидат филологических наук

С. А. Семячко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению одного из ведущих жанров начала XIX века – стихотворного послания – в аспекте его взаимодействия с русской и французской поэтическими традициями.

Послание первой трети XIX века неоднократно привлекало внимание исследователей. К изучению этого жанра обращались Ю. Н. Тынянов, Л. Я. Гинзбург, Ю. В. Манн, В. С. Краснокутский, В. А. Грехнев, И. А. Поплавская, Е. В. Чубукова, К. И. Шарафадина, Т. Г. Мальчукова, И. Г. Рябий, А. В. Маркин, Л. И. Жалнина, П. В. Кузнецов, М. Н. Виролайнен и др. Отмечались такие особенности послания, как бóльшая, по сравнению с другими жанрами, свобода в интонационном и стилистическом отношении, возможность включения бытового начала в поэтический текст, типологическая вариативность посланий и одновременно – тяготение их к ряду устойчивых мотивов. Подробно исследовались некоторые жанровые разновидности (прежде всего – так называемое дружеское послание), описывались характерные черты посланий конкретных авторов. Однако, несмотря на хорошую изученность отдельных текстов и групп стихотворных посланий начала XIX века, до сих пор недостаточно проясненными остаются их жанрообразующие признаки, не существует аналитического описания поэтики и эволюции жанра. Подобное положение дел обусловлено, в частности, тем, что многие особенности посланий 1810–1820-х годов рассматривались без учета их генезиса и, следовательно, без возможности отделить традиционные жанровые элементы или общекультурные топосы от черт, характерных для конкретного периода существования жанра в русской литературе. Между тем необходимость внимания к жанровому контексту посланий определяется особенностями литературной ситуации начала XIX века в целом.

В русской поэзии 1810–1820-х годов, развивавшейся на фоне сосуществования нескольких литературных направлений, происходили чрезвычайно динамичные изменения, затрагивавшие и систему жанров. В то же

время в этот период еще сильны были литературные традиции XVIII века, определявшие достаточную устойчивость жанрового мышления и ориентацию на образцы, представленные как русской, так и европейской (в первую очередь французской) культурой. Естественно поэтому, что взаимодействие русской поэзии начала XIX века с предшествующей традицией привлекало внимание многих исследователей. Так, связи поэзии 1810–1820-х гг. с литературой XVIII века освещались в работах Н. Д. Кочетковой, Р. В. Иезуитовой, Г. Н. Ионина, М. А. Короповой и др. Проблемы русско-французских литературных связей начала XIX века рассматривались в трудах Б. В. Томашевского, М. П. Алексеева, П. Р. Заборова, А. М. Пескова и др. Чаще всего в центре внимания оказывалось творчество конкретного автора (либо восприятие зарубежного автора в России, либо усвоение зарубежных традиций тем или иным русским автором). Исследования В. Э. Вацура, посвященные элегии начала XIX века, продемонстрировали, что литературные влияния могут определять особенности формирования и развития отдельного жанра в целом.

Взаимодействие послания начала XIX века с литературной традицией до сих пор не становилось предметом самостоятельного анализа. Сведения, касающиеся этой проблемы, как правило, ограничиваются указаниями на источники конкретных текстов. Однако без последовательного изучения связей стихотворных посланий 1810-х – начала 1820-х гг. с русской и французской литературными традициями невозможным оказывается выявление основных закономерностей развития жанра послания как такового. Этим и определяется **актуальность** темы диссертационного исследования.

Теоретическая и методологическая база

Диссертационное исследование опирается на историко-литературный, типологический и компаративный методы.

В русской поэзии начала XIX века большинство жанров¹ строится на наборе определенных тем и мотивов, закрепленных в том числе и лексически². В значительной мере это относится и к посланию.

Поскольку наличие реального адресата определяет возможность включения в послание биографического контекста, некоторые исследователи, проводя аналогию с бытовым письмом, выдвигают в качестве определяющего признака этого жанра принцип адресованности³. Однако для посланий рассматриваемого периода более существенным является тяготение к нескольким устойчивым мотивно-тематическим блокам, которые образуют их ядро, и опосредование биографического контекста традиционными литературными моделями. Поэтому центральное место в работе занимает особый аспект изучения послания начала XIX века, связанный с концентрацией в нем определенного комплекса тем и мотивов.

В соответствии с этим, методологическим ориентиром для нас послужили исследования, посвященные анализу семантических комплексов в поэзии начала XIX века. Наиболее значимыми из них являются книга В. Э. Вацура «Лирика пушкинской поры: “Элегическая школа”» (СПб., 2002. 2-е изд.), в которой описаны типы русской элегии начала XIX века и ее взаимодействие с европейской традицией, а также статьи Н. Н. Мазур об истории и функциях литературного типа «неистового стихотворца» в «Евгении Онегине»⁴ и о

¹ В диссертации жанр понимается как исторически изменчивая категория. См.: *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра: Опыт периодизации // *Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения.* М.: Наука, 1986. С. 104–116; *Зырянов О. В.* Эволюция жанрового сознания русской лирики: Феноменологический аспект. Екатеринбург.: Изд-во Уральского университета, 2003. С. 20–22, 78.

² См.: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. 2-е изд., доп. Л.: Советский писатель, 1974. С. 23–26.

³ См., например: *Хазан В. И.* Некоторые аспекты типологии жанра поэтического послания // *Проблемы литературных жанров: Материалы V научной межвузовской конференции 15–18 октября 1985 г.* Томск.: Изд-во Томского университета, 1987. С. 137–138; *Дмитриев Е. В.* Фактор адресации в русской поэзии: От классицизма до футуризма. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003. С. 110–123.

⁴ *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции // *Пушкин и его современники: Сб. науч. тр.* СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44). С. 141–208.

риторической традиции «*beatus ille*» в европейской и русской культуре⁵. В последней работе прозвучало значимое для нашего исследования заявление о необходимости изучения «топических гнезд», с которыми связана лирика пушкинской поры, так как в это время, по замечанию Н. Н. Мазур, происходит переосмысление многих классических топосов и освобождение их от жестких рамок риторических структур.

Цель настоящей работы – изучить влияние русской и французской литературных традиций на формирование мотивных и сюжетно-тематических комплексов определенных групп русского стихотворного послания 1810–1820-х гг.

Задачи диссертационного исследования:

1) описать основные мотивно-тематические блоки, характерные для наиболее продуктивных типов русского послания 1810-х – начала 1820-х гг.;

2) определить, какие темы и мотивы посланий указанного периода находят аналогии в русской поэзии XVIII – начала XIX вв., и описать пути включения традиционных элементов в новый контекст;

3) исследовать соотношение послания с другим продуктивным жанром начала XIX века – элегией;

4) описать взаимодействие русского послания 1810-х – начала 1820-х гг. с французской поэзией XVII–XVIII вв., в первую очередь с жанром послания.

Материал изучения

Материалом изучения стали стихотворные послания 1810-х – начала 1820-х гг., представленные в творчестве поэтов школы «гармонической точности»: К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского; к исследованию привлекаются также отдельные тексты В. Л. Пушкина, Д. Давыдова, А. А. Дельвига, Н. И. Гнедича и Н. М. Языкова. При отборе произведений мы руководствовались, главным

⁵ Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»: Источники и контексты // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 4 (43). С. 364–419.

образом, авторскими жанровыми определениями. В центре внимания преимущественно находятся два типа посланий: дружеские послания и выделенная нами группа посланий о поэтическом творчестве. Эти две разновидности жанра в 1810–1820-е гг. резко обособлены на фоне всех прочих. Во-первых, они являются наиболее продуктивными и составляют бóльшую часть посланий поэтов пушкинской поры. Во-вторых, им свойственна наибольшая жанровая определенность, поскольку каждая из двух групп тяготеет к устойчивому набору мотивно-тематических комплексов и топосов, имеющих общую литературную генеалогию.

Хронологические рамки 1810-х – начала 1820-х гг. обусловлены тем, что именно в это время жанр послания становится в русской поэзии одним из самых распространенных и выделяется в самостоятельный раздел поэтических сборников.

В качестве сопоставительного материала привлекаются отдельные русские поэтические тексты XVIII – первого десятилетия XIX века, среди них – произведения А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, А. А. Ржевского, Г. Р. Державина, М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и др. Французская литературная традиция представлена в исследовании поэтическими произведениями Н. Буало (в оригинале и в русских переводах и подражаниях), Вольтера, Ш.-О. де Лафара, Г.-А. Шолье, посланиями Ж.-Б.-Л. Грессе, Ж.-Ф. Дюси, кардинала де Берни, Э.-Д. де Парни, а также текстами, вошедшими в тома посланий французских поэтических антологий: «Petite encyclopédie poétique» («Малая поэтическая энциклопедия», 1804–1806) и «Nouvelle encyclopédie poétique» («Новая поэтическая энциклопедия», 1818–1819).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для посланий 1810-х – начала 1820-х гг. основным фактором жанровой спецификации служит определенный набор мотивов и тематических комплексов, который может быть представлен как в полном, так и в редуцированном виде. При описании этих мотивов и характера их

взаимодействия необходимо учитывать семантические нюансы, которые определяются поэтической традицией.

2. Наряду с дружеским посланием следует выделить в качестве отдельной группы послания о поэтическом творчестве, которые объединены рядом мотивно-тематических комплексов и устойчивых композиционных моделей.

3. В 1810-х – начале 1820-х гг. смысловые блоки, встречавшиеся в разных жанрах русской поэзии XVIII века, начинают закрепляться за жанром послания. В дружеском послании 1810-х – начала 1820-х гг. топика «похвалы сельской жизни» соединилась с анакреонтической традицией. Совмещение двух поэтических традиций в пределах одного жанра стало возможным благодаря наличию между ними точек пересечения – общих мотивов бегства от забот и наслаждения настоящим.

Образы поэта в посланиях начала XIX века о поэтическом творчестве коррелируют с писательскими типами, представленными в русской культуре XVIII века.

4. Развитие жанра послания в начале XIX века происходило параллельно с развитием элегии; в ходе этого процесса за каждым жанром закрепились конкретные мотивно-тематические комплексы, которые определили внутрижанровые разновидности. В результате мотивы «опыта», разочарования и разлуки, в конце XVIII века свободно входившие в послания, в начале XIX века стали осознаваться как типичные для отдельных разновидностей элегии, и граница между двумя жанрами несколько сдвинулась.

5. В процессе закрепления за русским посланием ряда тем и мотивов немалую роль сыграл интерес поэтов начала XIX века к французской литературе. Связи русского послания 1810-х – начала 1820-х гг. с французским посланием XVII и особенно XVIII века не ограничиваются отдельными параллелями. Можно говорить о типологическом сходстве национальных вариантов жанра в целом, тяготении их к общим семантическим комплексам.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка изучить связь устойчивых мотивов послания

1810-х – начала 1820-х гг. с русской и французской традициями. В ходе работы выделена особая разновидность жанра – послание о поэтическом творчестве; описаны характерные для нее мотивно-тематические блоки. В исследовании изучается связь послания 1810-х – начала 1820-х гг. с посланиями XVIII века; описывается взаимодействие послания и элегии; на этом материале поставлен вопрос о смещении жанровых границ в начале XIX века. Прослежены разнообразные связи посланий 1810-х – начала 1820-х гг. с рядом французских стихотворных произведений XVII–XVIII вв., не попадавшие в контекст исследований, посвященных посланиям, либо изученные недостаточно. Установлен ряд новых источников для русских посланий начала XIX века. В научный оборот введены две французские поэтические антологии (1804–1806 и 1818–1819 гг.), содержащие тома посланий и представляющие материал для определения того, какие типы текстов считались к началу XIX века во Франции наиболее репрезентативными для этого жанра.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы или истории русско-французских литературных связей, а также в научных комментариях к изданиям отдельных авторов.

Апробация работы

Положения диссертации были представлены в виде докладов на Третьей международной научной конференции молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках (История русской культуры в литературном контексте)» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, май 2011 г.) и на заседаниях отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН (сентябрь 2010 г.; октябрь 2011 г.).

По теме исследования опубликовано три статьи.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка литературы, включающего 216 позиций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы, описана степень разработанности проблемы, сформулированы цели и задачи исследования.

Первая глава диссертации «**Послание 1810-х – начала 1820-х гг. и русская поэзия XVIII – начала XIX в.**» посвящена анализу взаимодействия авторов посланий указанного периода с русской поэтической традицией XVIII – начала XIX в.

В § 1.1 «*Дружеское послание и послание о поэтическом творчестве (общая характеристика)*» описаны основные мотивно-тематические блоки, характерные для двух наиболее продуктивных типов русского послания 1810-х – начала 1820-х гг.

Дружеское послание 1810-х – начала 1820-х гг. является самой изученной разновидностью жанра. Ее основные мотивы и темы восходят к посланию К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811–1812), которое традиционно считается эталоном дружеского послания начала XIX века. Тексты данной группы объединены тематическими комплексами умеренности, сельской жизни, отказа от житейской суеты, богатства и славы в сочетании с эпикурейскими мотивами пира и наслаждения мгновениями жизни в окружении дружбы и любви⁶.

Дружеское послание было одной из самых распространенных, но не единственной устойчивой разновидностью жанра в пушкинскую эпоху. В работе обосновывается выделение посланий о поэтическом творчестве в качестве другой, не менее определенной по своей мотивной структуре жанровой разновидности. К ней относятся, например, «Послание И. М. М<уравьеву>–А<постолу>» К. Н. Батюшкова (1814–1815), «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец – горе...», 1814) и «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» (1814) В. А. Жуковского,

⁶ Поэтика этой жанровой разновидности была подробно описана в работах В. А. Грехнева: *Грехнев В. А.* 1) Дружеское послание пушкинской поры как жанр //

послания П. А. Вяземского «К друзьям» («Гонители моей невинной лени...», 1814) и «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» (1814), а также «К другу стихотворцу» (1814), «Моему Аристарху» (1815), «К Шишкову» (1816) и «Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру», 1818) А. С. Пушкина, «К<рыло>ву (Ответ)» («Чтоб очаровывать сердца...», 1821), «Г<неди>чу, который советовал сочинителю писать сатиры» (1822–1823) и «Богдановичу» (1824) Е. А. Баратынского и послания Н. М. Языкова «В. М. К<няжевич>у» (1823) и «К А. М. Языкову («Теперь, когда пророчесственный дар...», 1827). В противоположность дружескому посланию, которое было сосредоточено, главным образом, вокруг образа идеального поэтического локуса, послания о поэтическом творчестве в большей степени открыты в область реальной литературной жизни, литературных отношений (в том числе отношений ученичества или полемики) и вопросов поэтического самоопределения. При этом конкретная биографическая ситуация в этой группе текстов (как и в дружеских посланиях) каждый раз предстает в поэтическом опосредовании – она вписана в круг устойчивых мотивно-тематических комплексов и композиционных схем.

В центре посланий о поэтическом творчестве – темы славы и бесславия, зависти и презрения к общественному мнению, гениальности и бездарности, которые развиваются с опорой на определенный набор мотивов, получающих разные интерпретации и входящих в различные сочетания и оппозиции. Так, например, мотив лени может, с одной стороны, входить в контекст описания блаженного состояния беспечного поэта, с другой – включаться в круг представлений о спокойной жизни, недоступной для «поэта-труженика». Мотив славы, в свою очередь, может быть представлен либо в форме отказа от погони за успехом и в виде предпочтения «легкой» поэзии для узкого дружеского круга, либо в варианте «грозящее бесславие», либо как «равнодушие к славе» (сопровождающие мотивы – презрение к завистникам и справедливый суд

Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32–48; 2) Мир пушкинской

потомков). Напряжение, возникающее при взаимодействии устойчивых мотивов, образует основу ряда типовых конфликтов в этой жанровой разновидности: непреодолимая страсть к поэзии сталкивается с желанием от нее отказаться, преданное служение музам грозит обернуться бесславием и нищетой, спутником таланта оказывается зависть; лирический герой стоит перед выбором: терпеливо вершить свой «высокий труд», который требует поэтического бесстрашия и сопряжен с трудностями и «заботами», или предаться «блаженной лени» в дружеском кругу.

В § 1.2. «Дружеское послание и тема сельской жизни в русской поэзии XVIII – начала XIX века» анализируется генезис тематического комплекса деревенского уединения с друзьями, стремления к умеренности и отказа от житейской суеты, характерного для русского дружеского послания начала XIX века.

В поэзии XVIII – первого десятилетия XIX века подобная тематика связана с гораццианской одой о сельской жизни, усадебной лирикой, подражаниями элегиям Тибулла, идиллиями и, в конечном счете, восходит к общеевропейской топике «похвалы сельской жизни» («*beatus ille*»). В связи с этим мы можем говорить не только и не столько о влиянии на дружеское послание 1810–1820-х гг. отдельных текстов или жанров, сколько о том, как названная жанровая разновидность осваивала и преобразовывала риторическую традицию «*beatus ille*». Дружеское послание связано с данной традицией рядом элементов: темой уединения в «малом мире», противопоставлением сельской жизни и городской, характерными элементами пейзажа, перечнем благотворных занятий, темой истинного счастья.

В 1810–1820-е гг. дружеское послание постепенно присваивает себе топике «похвалы сельской жизни» вместе с рядом устойчивых мотивов, которые впоследствии стали ассоциироваться именно с этой разновидностью посланий и восприниматься как ее отличительный признак.

§ 1.3. «Послание в русской поэзии XVIII века и топика *“beatus ille”*»

посвящен проблеме включения риторической традиции «beatus ille» в послания XVIII века. Один из ранних примеров использования элементов названной топика в жанре послания – нравоучительные эпистолы и письма поэтов кружка М. М. Хераскова. В этих текстах традиция «beatus ille» вступала в резонанс с нравственной проблематикой, имеющей в своей основе масонскую идеологию. Особый акцент ставился на теме суетности.

В конце XVIII века топика «beatus ille», воспринятая поэтами кружка Хераскова и соединенная с темой тщеты богатства и славы, начинает активно входить в русский поэтический эпистолярный жанр, а тема уединения и отказа от суеты становится одной из устойчивых в жанре послания. В качестве примеров можно привести «Эпистолу к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу» (1774, 1780-е) М. Н. Муравьева, «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) и «Послание к Дмитриеву» (1794) Н. М. Карамзина. В упомянутых стихотворениях спокойная добродетельная жизнь в гармонии с собственным внутренним миром изображена как необходимое условие счастья или, по крайней мере, достойного существования. При этом сельский локус не является первостепенным элементом: в послании Муравьева к Тургеневу тема простой жизни в «хижине» присутствует как отсылка к сюжету из Вергилия, два послания Карамзина предлагают противоположные варианты решения «сельской» темы – от намерения остаться в «свете» в послании к Плещееву до желания «построить тихий кров» в послании к Дмитриеву. В последнем на первый план выводятся мотивы дружбы и любви, которые в традиции «beatus ille» оставались периферийными и были представлены в числе многих составляющих счастья. Этот сдвиг, очевидно, был воспринят поэтами следующего поколения, и в дружеском послании 1810–1820-х гг. любовь и дружба уже трактуются как основные ценности.

Послания 1800-х гг. во многом продолжали традицию, заданную Муравьевым и Карамзиным. К началу XIX века восходящее к «Посланию к Дмитриеву» Карамзина изображение уединения как условия счастья для

лирического героя, испытавшего разочарование и познавшего охлаждение «опытом», приобрело черты общего места. Оно встречается, например, в «Стихах, сочиненных в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» Жуковского (1803) и послании Батюшкова «Ответ Гнедичу» (1809–1810).

В текстах XVIII века, написанных в русле традиции «*beatus ille*», и в посланиях 1800-х гг. спокойная жизнь в умеренности связывалась, как правило, с уходом от дел человека, уже достаточно пожившего. «Мои пенаты» выглядят на этом фоне как кардинально новое явление. В послании Батюшкова, а вслед за ним и в дружеских посланиях поэтов его генерации отказ от светской жизни – это выбор молодого человека, а описываемый образ жизни – это способ проживания юности.

Тема юности в дружеских посланиях влекла за собой мотивы наслаждения жизнью, «сладострастия» и «неги». Начиная с «Моих пенатов», перечень составляющих счастливой жизни в дружеском послании обязательно включает в себя элементы эпикуреизма.

В § 1.4. «Дружеское послание и русская анакреонтика» рассматривается связь дружеского послания 1810–1820-х гг. с русской анакреонтической лирикой XVIII – начала XIX вв. Дружеское послание перекликалось с анакреонтической традицией мотивами поиска наслаждений в вине и любви, скоротечности жизни, бегства от суеты и забот. Последний мотив отсылал одновременно к двум традициям: к топике «похвалы сельской жизни» и к анакреонтике. В рамках первой из них «заботы» составляли неизменную часть светской жизни с ее стремлением к славе и богатству, в рамках второй – сокращали жизнь, каждым мгновением которой необходимо наслаждаться. То же относится и к мотиву наслаждения настоящим. С одной стороны, он явно отсылал к горацанскому «*carpe diem*» из оды I, 11, с другой – был распространен в анакреонтической лирике.

Новаторство Батюшкова заключается в том, что он соединил анакреонтические мотивы с топосом «*beatus ille*» и закрепил этот комплекс за дружеским посланием. После «Моих пенатов» мотивы полноценного

проживания юности, неизменными атрибутами которой служат дружба, любовь и вино, в сочетании с мотивами уединения с друзьями вдали от света стали практически обязательны для этой жанровой разновидности.

§ 1.5. «Дружеское послание и элегия в 1810–1820-е гг.» посвящен взаимодействию двух ведущих жанров первой трети XIX века: послания и элегии. В начале XIX века жанр элегии переживает новое рождение. Формируются новые представления о природе этого жанра и создаются новые типы русской элегии. В то же время за посланием также закрепляются определенные мотивно-тематические комплексы. В результате этих процессов некоторые мотивы, которые в конце XVIII века могли встречаться в посланиях, в начале XIX века начинают тяготеть к жанру элегии, что приводит к неоднозначности жанровых определений некоторых текстов. Так, например, определяемое изначально как послание, стихотворение Батюшкова «К Г<недич>у» (1806) при издании «Опытов в стихах и прозе» в 1817 году было помещено автором в раздел элегий. В лирике 1810-х – начала 1820-х гг. появляется целый ряд подобных текстов. Являясь посланиями по форме, эти стихотворения свободно включают в себя мотивы «унылой» элегии (утрата молодости, быстротечность жизни, призрачность и невозвратимость былых идеалов, разлука), а авторы относят такие произведения то к посланиям, то к элегиям, то к разделу «Смесь».

Элегический сюжет также мог включать в себя мотивные комплексы дружеского послания как составляющие особого радостного мира, уже недоступного лирическому герою в силу законов времени, как в элегии Жуковского «Вечер» (1806), или в силу внутренних душевных свойств, как в элегии Баратынского «Уныние» (1820–1821). Этот мир мог превращаться в дальнюю обитель, куда стремился лирический герой, как, например, в элегии Батюшкова «Таврида» (1815), или ассоциироваться с ощущением свободы и упоения жизнью, которое лирический герой мечтает воскресить, как в «Беседке муз» (1817) Батюшкова.

В § 1.6. «Послания о поэтическом творчестве 1810–1820-х гг. и образы поэта в русской литературе XVIII века» прослеживаются аналогии между образами поэта в посланиях о поэтическом творчестве и литературными типами авторов, созданными в XVIII веке. Тип «поэта-труженика», проливающего пот над своими творениями, характерный для некоторых посланий начала XIX века, был весьма актуален для эстетики классицизма⁷ и восходит к высказанному в «Послании к Пизонам» Горация совету неустанно совершенствовать поэтическое искусство трудом и учебой в стремлении к «прекрасной ясности». В посланиях 1810-х – начала 1820-х гг., однако, упорный труд над произведениями не всегда является характеристикой истинного таланта. В ряде посланий (см., например, «Послание к А. Д. Илличевскому» Дельвига, «К перу моему» и «К Жуковскому» Вяземского) поэт, неустанно трудящийся над стихами, предстает в облике маниакального стихотворца.

В данном случае следует говорить о совмещении типа «поэта-труженика» с типом «неистового стихотворца»⁸, который к началу XIX века мог трактоваться двояко: как образ бездарного поэта и как образ поэта, жертвенно служащего музам. В посланиях 1810–1820-х гг. присутствуют оба варианта трактовки «неистового стихотворца»: в стихах, направленных против литературных противников, черты этого типа присваиваются поэтам, обвиняемым в бездарности; в посланиях о трудностях поэтического поприща те же черты принадлежат лирическому герою.

В посланиях начала XIX века типу поэта, тщетно трудящегося над стихами, противопоставлен образ «беспечного поэта». Мотивы творчества на досуге, для узкого круга друзей, без строгого следования какому-либо

⁷ См.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века // XVIII век. Л.: Наука, 1983. Сб. 14. С. 112; Николаев С. И. Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2006. Сб. 24. С. 83–90.

⁸ Подробно об этом типе см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине».

литературному регламенту сближают «беспечного поэта» с образом поэта-дилетанта, существовавшего в литературном сознании XVIII века⁹. Такой типаж очерчен, например, в «Послании о легком стихотворении. К А. М. Бр<янчанинову>» (1783) М. Н. Муравьева, «Стансах к Н. М. Карамзину» (1793) И. И. Дмитриева, «Письме к И. И. Д<митриеву>» (1796) В. Л. Пушкина. Образ поэта-дилетанта связан с отказом от общественных функций поэзии, во всяком случае – с игнорированием гражданской тематики. Во второй половине XVIII века отказ от «серьезных» тем ассоциировался с «легкой поэзией» и восходил к интерпретациям первой оды Анакреона, в которой заявлялась неспособность автора к высоким родам поэзии. В 1790-е гг. это противопоставление трансформировалось в сознательный отказ от героической поэзии (см., например, «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду “Великой Екатерине”» (1793) Н. М. Карамзина или стихотворение Г. Р. Державина «К лире» (1797)).

В посланиях 1810-х – начала 1820-х гг. унаследованное от более ранней эпохи противопоставление «легкой» и «серьезной» поэзии осуществляется также и на мотивном уровне. В первую очередь это касается мотивов лени и труда. В посланиях о «беспечном поэте» труд ассоциируется с «заботами», а поэзия – с мотивами «лени», «неги» и «дремоты». В ряде других произведений писательство, напротив, изображено как «высокий труд». В посланиях начала XIX века сформировался тип «вдохновенного поэта», отсылающий к топосу «*furore poetico*», актуализированному в русской литературе в эпоху предромантизма. Мотивы «поэтического жара», особого положения поэта и чистых наслаждений, доступных только гению, распространенные в конце XVIII века, в частности, у Карамзина и Муравьева, в 1810-е годы образуют семантическое ядро таких посланий, как, например, «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814) и «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»

⁹ Этот образ был описан в указанных выше статьях В. П. Степанова и С. И. Николаева, а также в статье В. А. Западава «Проблема литературного сервизизма и

(1814) В. А. Жуковского, «Послание И. М. Муравьеву-Апостолу» (1814–1815)
К. Н. Батюшкова.

Вторая глава «Русское послание 1810-х – начала 1820-х гг. и французская поэзия XVII–XVIII вв.» посвящена связям посланий указанного периода с французской литературой, в первую очередь с французскими посланиями XVII–XVIII вв.

В § 2.1. «*Жанр послания в “Petite encyclopédie poétique” (1804–1806) и “Nouvelle encyclopédie poétique” (1818–1819)*» дается общая характеристика двух французских поэтических антологий начала XIX века и выделяются наиболее распространенные тематические группы посланий, вошедших в них.

Антологии «Малая поэтическая энциклопедия» и «Новая поэтическая энциклопедия» представляют собой собрания поэтических произведений, организованные по жанровому принципу. В них содержится обширный материал, позволяющий проследить, какие произведения считались наиболее репрезентативными в жанровом отношении во французской литературе XVIII – начала XIX века, что, в свою очередь, способствует изучению русско-французских литературных взаимодействий в рамках конкретных жанров.

В обеих антологиях послания занимают два тома. В «Малой поэтической энциклопедии» их распределение осуществляется по содержанию и по стилистическому принципу: в четвертом томе располагаются послания «моральные» и «серьезные», в пятом – «легкие» и шуточные. Редакторы «Новой поэтической энциклопедии» дополнили эту классификацию тематическим разграничением внутри названных групп и в предисловии к седьмому тому описали как отдельные виды послания дидактические (l'épître didactique), морально-философские (l'épître morale ou philosophique), дружеские или галантные (l'épître familière ou galante) и легкие или шуточные (l'épître légère ou badine).

дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина» (XVIII век. Л.: Наука, 1989. Сб. 16.

«Дидактическими» в антологии названы послания, касающиеся вопросов поэзии. Ряд произведений данной группы обнаруживает типологическое сходство с русскими посланиями о поэтическом творчестве. Для них характерны, например, темы, касающиеся поэтического языка, «легкой» поэзии, вопроса о степени ориентации поэта на мнение критики, включение в произведение перечня поэтов, творчество которых представляет ряд литературных образцов или круг чтения лирического героя. В диссертации привлечены к анализу примеры из посланий «К некоторым поэтам» («A quelques Poètes») Э.-Д. де Парни, «К Легуве, о пользе критики» («A Legouvé, sur l'utilité de la Critique») Л. Ж. Б. Э. Виже, «О легкости» («Sur la Facilité») кардинала де Буагелена, «К моей музе» («A ma Muse») Ж.-Б.-Л. Грессе, «Прелести учения, послание к поэтам» («Les Charmes de l'Etude, Epître aux Poètes») Ж.-Ф. Мармонтеля, «К графу Шувалову, о впечатлениях сельской природы и об описательной поэзии» («Au comte de Schowaloff, sur les Effets de la nature champêtre et sur la Poésie descriptive») Ж.-Ф. Лагарпа.

Послание Лагарпа содержит обширный фрагмент, написанный в духе риторической традиции «*beatus ille*». В русле этой традиции написаны также многие тексты, определенные составителями антологий как «морально-философские» и как «легкие». Среди них, например послание Ш.-П. Колардо «К месяе Дюамелю де Дененвильеру» («A M. Duhamel de Denainvilliers»), послания кардинала де Берни «О любви к родине» («Sur l'amour de la Patrie») и «К моим богам пенатам» («A mes Dieux Pénates»), «К моему священнику» («A mon Curé») А. де Л. де Марнезия, «К уединению» («A la Solitude») Ж.-Ж. Руссо, «К моим пенатам» («A mes Pénates») Ж.-Ф. Дюси, послание Ж.-Б.-Л. Грессе «Обитель» («La Chartreuse») и «К мадам Дени, племяннице автора» («A Mme Denis, nièce de l'auteur») Вольтера. Во французской поэзии тема сельского уединения была закреплена за посланием еще в XVII веке и присутствовала, например, в V и VI посланиях Буало, поэтому русские поэты начала XIX века

могли ориентироваться не только на традицию «похвалы сельской жизни» в русской литературе, но и на образцы французских посланий. Так, например, одним из возможных русских заимствований был акцент на критике светской жизни и изображение света как шумного вихря / круговорота, что обнаруживает аналогию с устойчивой формулой французских посланий «свет – водоворот / вихрь» («*tourbillon*»).

В § 2.2. «*Французские источники «Мои пенатов» К. Н. Батюшкова*» основное внимание уделено вопросам взаимодействия послания Батюшкова «Мои пенаты» с его непосредственными источниками: «Обителью» («*La Chartreuse*») Ж.-Б.-Л. Грессе и «К моим пенатам» («*A mes Pénates*») Ж.-Ф. Дюси. Существующие комментарии к стихотворению Батюшкова дополнены рядом новых наблюдений. Установлено, в частности, что под влиянием стихотворения Дюси в русских посланиях возникает повторяющийся мотив распахнутых перед добродетелями или закрытых для пороков дверей, который вводит демонстрацию избранной поэтом иерархии ценностей. Вслед за французскими источниками в «Мои пенатах» особо акцентирована бедность лирического героя. В «Обители» Грессе значимыми для Батюшкова оказались также образ «дружеской республики», мотив смерти в окружении друзей и литературный тип «философа-ленивца».

§ 2.3. «*“Поэт-ленивец” в русских посланиях о поэтическом творчестве и источники этого образа*» посвящен генезису мотива «лени» в русских посланиях о поэтическом творчестве 1810-х – начала 1820-х гг. и французским источникам посланий, в которых возникает образ «беспечного поэта».

Дихотомия «лень vs. труд» в посланиях 1810-х – начала 1820-х гг. обнаруживает аналогию с категориальной парой «*otium vs. negotium*», восходящей к античным представлениям об обязанностях гражданина и организации им своей жизни¹⁰. В этой паре «*negotium*» означает деятельность

¹⁰ Об этих категориях см.: *Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages*. [Princeton]: Princeton University Press, 1973. P. 88–89 (Bollingen Series; 36); *André J.-M.*

на пользу государства, а «otium» – досуг. В античности существовала возможность отнесения поэтического творчества и к досугу («otium»), и к общественно значимым занятиям («negotium»). В первом случае литература воспринималась как нечто второстепенное по сравнению с политикой, как своеобразное упражнение для ума, частная жизнь человека, во втором – как ответственный труд, приносящий пользу обществу. Тяготение к тому или иному полюсу определяло различие эстетических позиций и разные критерии оценки творчества. Эта дихотомия сохранилась и в Новое время, причем понятие «otium» нередко интерпретировалось в русле представлений о созерцательной жизни, которая предполагала уединение вдали от городской суеты и занятия наукой и литературой.

В посланиях, героем которых выступает «беспечный поэт», «лень» подразумевает творчество «на досуге», для себя и друзей. Она является знаком литературной установки на «легкую» поэзию и принадлежности к кругу таких же «беспечных поэтов». На противоположном полюсе – трактовка литературы как серьезного занятия, требующего упорных трудов над стихами; в награду за них поэт может ожидать общественного признания.

В работе анализируются связи русских посланий о поэтическом творчестве с «Разговором поэта с музой» («Dialogue entre un poète et sa muse») Парни и «Посланием к моей музе» («Epître à ma muse») Грессе (последнее стихотворение ранее не рассматривалось в качестве источника русских посланий). Французские тексты обнаруживают ряд параллелей с посланиями, в которых присутствует образ «беспечного поэта»: поэзия ради славы противопоставлена в них любовным стихам (предпочтение отдается последним). В «Послании к моей музе» Грессе лирический герой пишет стихи, чтобы усладить свою праздность и стремится идти по пути Ш.-О. де Лафара и Г.-А. Шолье. Во французской поэзии XVIII века и в русской литературе начала XIX века имена Лафара и Шолье ассоциировались с образом «ленивого поэта»,

L'otium dans la vie morale et intellectuelle Romaine, des origines à l'époque augustéene. Paris:

и мотив лени как особого блаженного состояния восходит, в том числе, и к их творчеству.

В русских посланиях 1810–1820-х гг. о поэтическом творчестве, в которых возникает образ «поэта-ленивца», лень часто изображается как желанное и необходимое для лирического героя состояние, осуждаемое адресатом, «гонителем лени». Таким образом, диалог с адресатом в подобных текстах предполагает принципиальный эстетический спор. В посланиях данной группы отказ от поэтических трудов получает сходное риторическое оформление: лирический герой обращается к адресату или адресатам с просьбой оставить свои упреки и дать ему «полениться». Такое сходство объясняется не только использованием поэтами общих поэтических формул, но и ориентацией их на конкретный литературный источник. Этим источником, как удалось установить, явилось «Послание Х. О лени. К мадам Де***» («*Épître X. Sur la Paresse. A M. De ****») кардинала де Берни, которое начинается обращением к «критику моей любезной лени» (ср. в русских текстах – «гонитель лени») с просьбой не будить лирического героя на лоне неги, но позволить ему предаваться наслаждениям и безмятежно размышлять. Соответствующий фрагмент из Берни был процитирован Лагарпом в «Лицее» как пример подражания Шолье, поэтому текст был хорошо известен русским поэтам начала XIX века.

В послании Берни лирический герой не согласен отказываться от наслаждений ради далекой и обманчивой славы. Противопоставление «лень vs. слава» и изображение иллюзорности и непостоянства успеха, характерные для ряда русских посланий 1810-х – начала 1820-х гг., находят аналогии и в «Послании к моей музе» Грессе, а формула «слава – дым» непосредственно ориентирована на рифму «*renommée – fumée*», которая встречается не только у Грессе, но и в XVII веке у более ранних авторов, например у В. Вуатюра (Vincent Voiture) в «Послании его высочеству принцу на возвращение его из

Brive (Corrèze), 1966.

Германии» («*Epître à monseigneur le Prince sur son retour d'Allemagne*») и в VI послании Буало «К Ламуаньону», фрагмент из которого, как нам удалось определить, был использован Батюшковым в качестве эпиграфа к раннему посланию «К Филисе».

В § 2.4. «*Никола Буало и послания “арзамасцев”*» рассматривается проблема влияния произведений Буало на определенные типы посланий о поэтическом творчестве.

В качестве жанрового образца для посланий о современной поэзии и о трудностях литературного поприща наиболее востребованными оказались сатиры Буало¹¹, в первую очередь первая, вторая, седьмая и девятая. Авторов посланий о поэзии привлекали в сатирах Буало тематические комплексы, связанные с критикой современной литературы, трудностями поэтического творчества и вместе с тем невозможностью от него отказаться. Среди тем, отсылающих к Буало, – муки творчества, трудности поиска рифмы, нападки со стороны противников, обилие метроманов в современной литературе (см., например, «Послание к Жуковскому» (1810) и «К Д. В. Дашкову» (1811) В. Л. Пушкина, послание А. С. Пушкина «К другу стихотворцу» (1814), «К перу моему» (1816) и «К В. А. Жуковскому» (1819) П. А. Вяземского). Как правило, описание трудностей, с которыми сталкивается поэт, сопровождается заявлением о желании отказаться от поэзии и вести спокойную жизнь – мотивами, заимствованными из II, VII и IX сатир. Как и в сатирах Буало, в указанной группе русских посланий о поэзии этот отказ представлен как желаемый, но невозможный.

Примечательно, что, написанные как подражания сатирам и варьирующие темы, традиционные для этого жанра, русские тексты определены как послания. Подобный жанровый сдвиг стал возможен в русской поэзии начала XIX века благодаря тому, что тема поэзии и мотивы лени, труда, славы и т. п. стали тяготеть в это время к жанру послания, причем не только в

текстах, ориентированных на Буало. Здесь сказалось влияние французских посланий XVIII века, среди которых выделялась отдельная группа посланий о поэзии («дидактических» посланий).

Следует отметить, что и у Буало темы поэтического творчества могли встречаться в послании. Один из таких текстов стал источником для русских посланий о завистниках. Как удалось установить, послания «К князю П. А. Вяземскому» (1814) В. Л. Пушкина, «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» (1814) П. А. Вяземского и «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814) В. А. Жуковского были написаны с ориентацией на VII послание Буало «К Расину». Русские стихотворения воспроизводят композиционную модель французского послания, а также обнаруживают с ним ряд мотивных соответствий: изображение завистников как глупой, безумной и невежественной толпы, мотив смеха как реакции на суд недоброжелателей, мотивы превращения ложных друзей в завистников и справедливого суда потомков. Упомянутые послания задали традицию развития темы «поэт и завистники», подхваченной в ряде русских посланий («К Жуковскому» («Благослови, поэт!..», 1816) А. С. Пушкина, «Послание к М. Т. Каченовскому» (1820) П. А. Вяземского и др.). Эта традиция значима и для понимания таких хрестоматийных текстов, как стихотворение А. С. Пушкина «Поэту» (1830) и «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова (1837).

В Заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы работы.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют углубить современные представления о жанре послания начала XIX века и о процессе формирования особенностей его поэтики.

Устойчивые мотивы посланий 1810-х – начала 1820-х гг. содержат, как правило, определенный ряд формул или одиночных лексем, которые служат

¹¹ О рецепции Буало в XVIII – начале XIX века см.: *Песков А. М.* Буало в русской

сигналом введения конкретного мотива. При этом характерно, что наличие в тексте тех или иных мотивов не определяет общий смысл поэтического высказывания. Мотивы могут встраиваться в разные контексты и приобретать в них прямо противоположные коннотации. Набор возможных смысловых контекстов предопределен традицией, хотя допустимы и редкие случаи необычного использования мотива. Связь одних и тех же мотивов с разными поэтическими традициями и множественными литературными источниками обеспечивает возможность варьирования мотивов и столкновения разных моделей в рамках одной жанровой разновидности.

Результаты диссертационного исследования представлены в следующих публикациях в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Дружеское послание 1810-х годов: Образцы и источники // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2 (14). С. 131–138.

2. «Ерître VII. A Racine» Н. Буало как образец для русских посланий 1810-х годов о поэте и завистниках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 3 (32). Т. 2. С. 48–50.

3. Дружеское послание и элегия в 1810–1820-х годах: к вопросу о взаимовлиянии жанров // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). Филология. Искусствоведение. Вып. 56. С. 38–40.